

Игорь Солопов

ДОМОВОЙ

12+

Игорь Солопов

Домовой

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Солопов И.

Домовой / И. Солопов — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Цивилизация — думает домовой Пафнутий — хуже войны. Люди бросают свои родные места, уходят от корней, забывают, как правильно жить... А нечистая сила всякая — тут она, никуда не девается, питается людскими страхами, злобой и глупостью. Хороших-то людей тоже немало, но и они старину забывают, теряют древнее знание, а без него опасно. В лесу подстерегают упыри, в доме к детской колыбели подкрадываются злобные ночницы... Кто поможет хорошим людям — Степану-леснику, дочке его Олесе и маленькому Андрейке? Разве что Пафнутий, ответственный домовой, да приятельница его Мокша, кикимора, да леший Путята, а может быть — сам лес, зелёное его сердце.

Содержание

Новоселье	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Новоселье

Вот и новый дом. Непривычно, конечно, но могло быть и хуже. Намного хуже. Одинокая изба посреди огромного дремучего леса, большой двор, банька, сарай, хлев для скотины. Одним словом, доброе хозяйство. На много километров ни одного города, только далеко, на опушке, расположилась небольшая деревенька. Благодать. То что надо.

Жаловаться было грех. Пафнутий просто скучал по родному дому. Дому, которого больше нет. Как-никак, прожил там сотню лет. А может, и больше. Проклятая цивилизация, как говорил сосед Кузьма, добралась и до них. Избу снесли, вокруг все перерыли, понагнали страшных железных мордovorотов и давай строить каменные душегубки в несколько этажей. Им с Кузьмой предлагали там остаться. Говорили про какой-то комфорт, про счастье. Только счастье такое для бездельников и дармоедов: знай присматривай за хозяевами да лежи-отдыхай за печкой. Да и где лежать, печей-то там нет. Вот тебе и комфорт. Кузьма согласился, он неприхотлив. Стар уже, ничего не надо, лишь бы угол был какой-никакой. А Пафнутий не устал, лоботрясом не был, так что комфорт этот не про него. Хотел Пафнутий жить, а не отдыхать – вести хозяйство, ухаживать за скотиной, как настоящий домовый. Кем он, собственно, и был. Что за дрянь такая, эта цивилизация? Много нечисти повидал, но эта – хуже войны.

Пафнутий шел не таясь. Попасться кому-то на глаза не боялся. Место глухое, людей нет, да и ночь на дворе, спят все давно. Прежде чем войти в избу, осмотрелся, побродил по двору, присел у поленницы, подышал. Эх, воздух здесь хороший, природа.

Понравилось Пафнутию место. Оценил наконец, размечтался. Радостно так стало. Просидел и не заметил, как рассвет занялся. Скоро петухи пропоют, хозяева проснутся, пора в дом. Поднялся, поплелся вразвалочку – да чуть за углом с хозяином нос к носу не столкнулся. Понесла его нелегкая спозаранку. Не спится. До ветру пошел. Пафнутий еле в кошку успел обернуться.

В сумерках да спросонья, Степан ничего не разглядел. А если и разглядел, то не понял. Только кошка незнакомая по ногам теранулась, замурлыкала, мякнула что-то. Нагнулся, погладил.

– Ты откуда такая, приبلуда? Не видел тебя раньше. Ну ладно, коли пришла – заходи, – приоткрыл дверь, кошка нырнула в темноту, а сам отправился дальше, по своим делам.

Степан был мужик одинокий, не старый еще. Всю жизнь прожил здесь, лесником, как дед и отец. От отца досталось хорошее хозяйство. Когда есть огород, скотина и руки откуда надо растут, ничего больше и не надо. Все свое, своими силами – и мебель, и продукты, а чего не хватало, то покупалось. Женился Степан на Анюте из местной деревни. Всякое бывало, но жили дружно, душа в душу. Изредка выбирались в город: за зарплатой, вещами закупиться, погулять да в кино сходить. Жизнь шла своим чередом. Размеренная, неторопливая и счастливая.

Овдовел Степан рано. Дочке и двух лет не было. Простудилась Анюта, слегла. Фельдшер местный говорил про пневмонию. Отвезли ее в городскую больницу, там и померла.

Остался он с Лесей вдвоем. Сложно было. Растил, души не чаял, баловал. Выросла дочка ладная, добрая. Отца любила, по хозяйству помогала. После школы в столицу учиться уехала, да там и осталась. Приезжала сначала на каникулы, скучала, часто созванивались на почте. Потом все реже и реже. А теперь разве открытки отцу шлет да письма. Их только Степан и ждет, дни считает. Почтальон сюда не доходит, вот и мотается сам на телеге чуть ли не каждый день в деревню. А вдруг Лесенька что написала? Съездит, с мужиками пообщается. А

письмо получит – не нарадуется, до дыр перечитывает. Так и живет, ведет хозяйство, но скорее по привычке, не умеет по-другому, да и дни так идут быстрее.

Встретил Степан кошку, настроение поднялось на весь день. Хорошая примета, когда животные в дом сами приходят. Особенно кошка. Старики говорят, в кошку домового оборачивается. Встретил его – к удаче. Может, Лесенька наконец-то приедет? Чует сердце, приедет.

Хозяин Пафнутию понравился сразу. Добрый, открытый, весь как на ладони. Животину любит – тоже хорошо. Поладим, точно поладим. Только груз какой-то на сердце у него. Тянет, мучает, жить спокойно не дает. Ждет чего-то, только тем и жив. А мужик видный, хозяйство ведет, не пьет – непонятно, чего один-то? Не успел толком домовый хозяина рассмотреть, ну ничего, сейчас вернется – и все понятно станет. Могут так домовые: в глаза посмотреть и жизнь как книгу прочитать. В душу глянуть, в сердце побывать – что за человек, чем живет, чем дышит.

Весь день Пафнутий за печкой просидел. Привыкал, думал. Прибрался у себя в уголке, расставил все как надо. Все по-тихому, чтобы хозяина не пугать. День – не время для домового, негоже на глаза попадаться. Ночью все дела делаются. Пару раз выбегал кошкой, огляделся, так Степан сразу молочка плеснул, приласкал. Хорошо дома, чистенько, а с домовым теперь и уюту прибавится.

Ночью, как только хозяин улегся, решил осмотреться. Надо же свою делянку знать. Где что, откуда беды ждать, да и соседей посмотреть. А еще ведь и живность есть – кому овса подкинуть, кому зерна, поговорить с кем, гриву расчесать. Скотина, она тоже ласку любит, внимание, оттого и добрее будет к человеку, послушнее.

Вышел, животину подкормил. Не удержался, заплел пару косичек в гриве у лошади, Зорькой кличут. Ох и хороша кобыла. Высокая, справная, так и хочется прокатиться. Глянулась она ему. Вернулся в дом, за печку. Прилег. Скоро рассвет, а не спится. Беспокоит что-то, будто в доме кто не спит. Выглянул. Степан сопит себе, дрыхнет, как дитя. Чужой в доме? Стук странный. Показалось. Нет, вот опять. Всмотрелся в угол – шевелится что-то, будто сама тьма ворочается. "Ну, вот и соседи, – подумал домовый, – вот и свиделись!"

– Эй! Ты чего здесь делаешь? Откель взялась? А ну пшла, вон отседа! Тебя мне здесь не хватало, – Пафнутий уже выбрался из-за печи и стоял нахохлившись, по-хозяйски подбоченясь. – Ох и терпеть не могу я вашу породу!

– Тише ты, баламут. Хозяина разбудить не боишься? Горлопанит тут. Ты кто вообще такой? – темнота говорила скрипучим голосом, постепенно рассеиваясь и превращаясь в корявую, тощую фигуру со всклокоченной головой.

– Это я кто? – Пафнутий осерчал не на шутку. Только поселился, обустроиться не успел, а уже лезут всякие, хозяйничают. – Кикимора, она кикимора и есть. Ты че, не чуешь, домовый здесь, куда прешься?

Кикимора немного скукожилась, вроде как рассеялась, прозрачной стала, и вдруг – раз, стоит уже рядом. Вдвое выше, в грязных лохмотьях, нагнулась так, чтобы лицом к лицу. Страшная, глаза навывкате и воняет тинной, Пафнутий аж поперхнулся.

– Ты откуда такой? Шел бы ты взад, откуда взялся, – говорит, а сама в глаза смотрит, ручищи костлявые тянет. В глазах у Пафнутия потемнело, поплыло все, тело ослабло.

– Сгною, изведу, а дом не отдам, – не шепчет, уже хрипит в лицо обмякшему домовому, а он ничего поделывать не может. Гонит она его из тела, гонит, оболочки лишает. Еще немного, и станет обычной тенью, призраком, что людей пугает. Потерял сноровку, залежался на печи. Да где это видано, чтобы в собственном доме, где силищи хоть отбавляй, домового какая-то рвань болотная изничтожила? Не бывать! Собрался Пафнутий, вскинул руку, ударил волной воздуха. Сильно так, от души. Кикимора не ожидала, не успела отскочить, жабой обернуться.

Шарахнуло об стену так, что вся утварь посыпалась: чарки, половники, картинка какая-то, а кикимора грязным тряпьем рухнула рядом. Перестарался, аккуратней надо быть.

Степан вскочил: взъерошенный, испуганный, глазищи бешеные. Впопыхах пытается зажечь лампу, из рук все валится. Спихватился домовой, глянул в угол – тряпье исчезло. Сбежала, значит. Снова обернулся кошкой и ходит среди половников с виноватым видом.

– Ты что творишь, окаянная? Я чуть в портки не наделал! – Степан носился по дому, не зная, за что взяться. Сел на кровать, встал, опять побродил. Вышел на улицу, снова зашел. Стал собирать посуду. Бубнит что-то под нос, ругает на чем свет стоит бестолковую кошку. Пафнутий рядом крутится, мурлычет, об ноги трется, а самого смех разбирает – больно забавный хозяин, когда всполошится. Да и хорошо так домовому стало, загордился собой. А как же, защитил дом, справился, хоть и сам чуть не сгинул. Но она вернется. Ох, не сдастся она, не оставит так просто дом. То ли еще будет.

Мокша шла по лесу, чуть не рыдая. Давно с ней так не обходились, давно не швыряли об стену. Точнее, никогда. Нескладная, кривая, тощая фигура брела среди деревьев, потрясая кулаками и размахивая костлявыми руками. Иногда останавливалась, топала, колотила по какому-нибудь дереву и ругала, обзывала проклятого домового, появившегося ниоткуда, страшными словами, призывала на его голову разные гадости, обещала скорой и ужасной расправы. Только пришел, а уже командует, выделяется. Тьфу, принесла нелегкая.

Давно Мокша облюбовала эту избу, а других поблизости и не было. В деревню путь неблизкий, идти лень, да и родное болото все дальше. Родным Мокша называла его только так, по привычке. Не любила она его, даже ненавидела, хоть и зависела от него, черпала силы, как домовой от дома. Жить в противной вонючей жиже не хотелось, но и поделать ничего не могла, а тут – сухо, чисто, уютно. Кикимора навещалась сюда уже много лет. Помнила, как нынешний хозяин Степан еще агукал в люльке. Да что там Степан. Помнила его деда, ползающего с голым задом по полу с дудолей во рту и везде сующего свой маленький любопытный нос. Все это Мокша видела как сейчас, но никак не могла припомнить, был ли в этом доме когда-нибудь домовый. Ну и хорошо, что не было, иначе не ходить бы ей сюда, а сидеть в тухлой воде, пугать лягушек. Докажи, что ты спокойно и тихо ведешь себя, не мешаешь, а просто хочешь посидеть в тепле и пряжу попрясть. Да он и слушать не станет, долбанет об стену и выгонит на все четыре стороны. Вот как сегодня. Домовые они такие, не терпят чужих. Особенно кикимор.

Мокша была кикиморой необычной, даже странной. Не хулиганила, хозяев ночами не пугала, посуду не расшвыривала и муку с солью не мешала, как любили делать остальные кикиморы. Можно сказать, заменяла домового. Прибиралась иногда, присматривала за домом, когда хозяев не было, нечисть разную проходящую отгоняла, да и людей лихих отпугивала, в общем, была очень даже приличным сумеречным. Да и злобствовала нечасто. И что так на домового надела, стала душу вытрясать? Одичала, что ли? А он теперь у себя дома, что ему еще оставалось, пришлось, конечно, от нее отбиваться. Эх-х... Делов-то натворила... Все равно обидно. Мокша дулась уже только по привычке, для порядка. Думала уже извиниться. Давно ни с кем не говорила, тяжело одной, а тут, может, поболтали бы. Хотя, дружить с домовым... Нет, не выйдет. Лес глухой, люди заходят редко. Из своих только леший Путята, да и тот какой-то полоумный. Сидит у себя в дупле, глаза горят. Ни с кем не общается, только лупяшками хлопает и лопочет что-то по-своему, видать, с деревьями разговаривает. Тоска тут, хоть волком вой.

Кикимора почти дошла до дома. Болото, конечно, противное, вязкое, но все же свое. А другого ничего теперь и нет. Пыталась когда-то Мокша создать здесь подобие уюта. Вырыла на дне ямку, да так хитро, что воды и жижи там почти не было. Получилась берлога. Или землянка. Не так хорошо, как в избе, но и в трясине не прозябаешь, как какой-нибудь водяной.

Стены выскоблены от всякой мерзости, облеплены глиной. Вход, навроде занавесок, украшен болотной ряской. Даже пеньков у Путяты выпросила и сообразила стол со стулом. А чтоб красивее было, Мокша таскала разные цветочки да кустики. Неплохо вышло, по-домашнему, но все равно воняет. Болото все-таки.

Только успокоилась, к трясине подошла, нырнуть хотела – чует, не так что-то. На болоте чужой был. Дух вокруг совсем незнакомый. Запахов таких тут отродясь не было. А зловонит знатно, как смерть прошла. И следы кругом. Странные, таких давно не видела. Топтались на одном месте, будто искали что-то. Такие следы только самая мерзость оставляет. Та, что сдохла давно и вернулась. Откуда только повылазили. Надо изводить, а то житья совсем не будет. Только одной ну никак не справиться.

Выбрались на охоту в кой веки раз. Отдохнуть от жен, от городской суеты, от душных, до тошноты надоевших офисов. Влад и Сергей брели по лесу, довольные выпавшей чередой праздников. Нечасто удается съездить на природу. То на работу в выходные, то по дому что-то сделать, а тут решили: "Плюнем на все и поедим!" Плюнули и поехали. Машину оставили на опушке. Места дикие, безлюдные, взять некому. Теперь шли вдвоем, вдыхая свежий воздух, об охоте и думать забыли. Хорошо в лесу. Идут, ищут, где бы посидеть, перекусить: выпить-то на природе, оно вдвойне приятно, да и ноша стеклянная тянет, а охота подождет. Идут с открытым ртом, головами вертят. Налюбоваться, надышаться не могут – и не замечают, что среди деревьев за ними наблюдают бесцветные, прищуренные глаза.

Кое-кто тоже вышел на охоту. И не для того, чтобы отдохнуть, а просто хотелось жрать. Широкие ноздри шумно, со свистом, втягивали воздух. С мощных, выпирающих челюстей тянулась густая мутная слюна. Маленькие заостренные уши подергивались с каждым шорохом. Два упыря нервно высматривали добычу, следили за каждым движением и пока решали: просто набить брюхо или размяться? Поиграть с добычей или сразу сожрать, унять пустой, глухо ноющий желудок?

Влад от неожиданности подскочил на месте. Мимо, сквозь кусты с треском продирался какой-то зверь.

– Что это? – Серега уже скинул ружье и тревожно озирался. Влад в ответ только пожал плечами. Ребята струхнули, скучковались спина к спине.

– Может, кабаны какие? Выбежит – сразу стреляй, а то с ног собьет, – лицо Влада покрылось испариной, коленки предательски тряслись. Топот и треск раздавались все ближе. Кто-то бегал по кругу, сокращая радиус.

– Вон он! – Влад судорожно ткнул пальцем куда-то в сторону. Из кустов вырвалось нечто серое. Серега только поднимал ружье, когда существо прыгнуло и на лету, с хрустом вонзило клыки в горло. Секунда – и охотник упал замертво. А тварь уже рвала его на части, с чавканьем и урчанием отрывала зубами огромные куски, помогая руками заталкивать их в пасть. Влад выстрелил, промахнулся, с воплем бросил ружье и побежал. Навстречу ему выскочил еще один, прыгнул. Парень оступился, тварь промахнулась. Влад рванул в другую сторону. Упырь скакал на всех четырех, не отставая.

Дыхалки уже не хватало, ноги не слушались, сапоги казались свинцовыми, а тварь то и дело норовила вцепиться, отхватить кусок побольше. Влад чувствовал ее дыхание, слышал, как клацают челюсти у самой шеи, брызжа слюной. Споткнувшись, он кубарем полетел с пригорка и угодил прямо в воду – кругом тянулась топь. С усилием поднялся и, задыхаясь, пошел дальше от берега в надежде, что эта дрянь не пойдет за ним.

Каждый шаг давался все труднее, ноги вязли в трясине, а тварь и впрямь осталась на суше и теперь носилась из стороны в сторону. "Не возьмешь", – мелькнуло в голове. Влад рывками двигался вперед, погружаясь все глубже. Упрямо, из последних сил, боролся с вонючей жижей,

но трясина затягивала и затягивала, подступая уже к лицу. Отчаяние накрывало, душила усталость, не давая даже закричать – а хотелось, во все горло. Не звать на помощь, а кричать – от безысходности, оттого, что все так нелепо, что больше ничего не оставалось. Грязь уже набивалась в ноздри, заполняла рот, лезла в горло. Вскоре Влада накрыло с головой, и потревоженная ряска стала медленно обступать оставшиеся на поверхности мутные пузыри. Последним рывком из трясины вытянулась рука, попыталась за что-то схватиться, обмякла и пропала. А тварь уже бежала по лесу, спешила, надеясь успеть дожрать единственную добычу.

Степан колот дрова, когда из леса раздались вопли с выстрелами. Громкие, отчаянные.

– Медведь кого дерет? – Степан рванул в дом, схватил ружье. На ходу заряжая, побежал к болоту.

Забеспокоился Пафнутий. Сначала звуки страшные из леса, теперь хозяин с бешеными глазами влетел в дом, как душегуб. Сорвал со стены ружье, схватил патроны и убежал. Ой, не к добру. Пафнутий впервые за долгие годы испугался. Не за себя, за хозяина. Только вселился, а тут на тебе. И кикимора, и еще вот не пойми что. Не хотелось жить спокойно – так на, получай.

Предчувствие было тягостное. Должно было что-то случиться. Беда с утра стороной ходила, витала в воздухе, да так и не обошла. Выбежал Пафнутий за хозяином, помчался следом. Нельзя одного его пускать, нельзя. Налетел со всего маху на кикимору, даже не понял, что случилось.

– Что, домовой, почуял? – кикимора выглядела уже не так, как ночью. Перед Пафнутием стояла низенькая, согбенная старушонка с круглым лицом.

– Опять ты! Что наколдowała? Уйди, не время, потом разберемся!

– Дурачина. Тебя хотела предупредить...

– О чем?

– Упыри в лесу.

– Ух ты! Откуда? – Пафнутий от неожиданности так и сел на землю.

– Ну, чего расселся, гачи вытянул? Бежим давай, а то сожрут Степана твоего.

Бросились за Степаном – по кустам, окольными путями, но из вида не выпускали. Хоть и чудно смотрелась кикимора в образе старушки, лихо скачущей через ямы да коряги, Пафнутию было не до смеха. Шутка ли, с упырями столкнуться? Ни разу с ними не встречался, да и не хотел: много слышал, опасные это твари. Упырями колдуны оборачиваются и люди, мучительной смертью погибшие.

Видел как-то давно, как хоронили в деревне. Засуха была, посевы зачали, скотина передохла. Много людей тогда от голода на тот свет ушло, много домовых осиротело, в пустых избах остались. Не пожелал бы Пафнутий такого никому, даже кикиморе. Горе, страх, люди негодуют, виноватых ищут, кто небо разгневал. Гостинцев собрали, отнесли старой ведьме, совета спросили. Ведьма знала, что делать. Людям нужен тот, на ком злобу сорвать, печаль выместить. А засуха сама пройдет. Ткнула корявым пальцем в кузнеца, не подумавши: "Вот он, – говорит, – колдун! Душу продал. От него все беды". Тут же подняли кузнеца на вилы, без разбору. Подняли громко, с визгом, с улюлюканьем. Никто не помянул его доброты, как в помощи не отказывал, как топоры да косы правил.

Федотом кузнеца звали. Пафнутий его имя навечно запомнил, то был его первый дом, первый хозяин. И жену его, Василису, запомнил, и детей, Митеньку и Васютку. Всех троих в хлеву сожгли, чтобы прощения у Бога вымолить. Запомнил, как хоронили их, что собак, в овраге. Порезали сухожилия у колен, чтобы не шатались, значит, после смерти. Насыпали пшеницы каждому: пусть считают крупу до самого страшного суда, коли упырями обернутся. Боя-

лись мести после смерти, ох как боялись. Хорошо это запомнил Пафнутий. Как сейчас перед собой видел. Страшно было, и поделать ничего нельзя. Возненавидел тогда людей, осерчал сильно. Долго никому в доме житья не давал. Ныла душа, покоя не давала. Дом тогда сожгли, нехорошим назвали, а Пафнутий долго еще дикарем скитался. После этого в деревне люди стали пропадать. Говорят, упырей в округе видели, будто четверо их и держатся все время вместе, всю деревню они извели, никого не оставили.

Степан давно так не бегал. Ладно бы только выстрелы, но вот крики... Стрелять могли охотники, хотя давно сюда никто не забредал. Но чтобы человек так орал истошно, никогда не слышал. Что-то случилось. У болота Степан остановился, перевел дыхание, прислушался. Вроде тихо. Опоздал? Какая-то возня на поляне, сквозь деревья не разглядеть. Двинулся дальше, осторожно, стараясь не шуметь. Подошел с подветренной стороны, чтобы не учуял кто раньше времени. Ружье в руках, мускулы напряжены, пальцы готовы нажать на курок. Раздвинул кусты, вышел на поляну – и встал как вкопанный, будто в землю врос. Ни крикнуть, ни шевельнуться. Как паралич пробил, только поджилки трясутся. В траве лежал человек, вернее, то, что от него осталось. Два тощих, отвратных уродца рвали его на части, жрали, утробно рыча. Степана замутило, вывернуло на траву. Пока в себя приходил, отплевывался да губы утирал, возня утихла. Поднял глаза, а уродцы уже на него смотрят, недобро, исподлобья. Подбираются медленно, по-звериному, и в стороны расходятся, вроде как окружают. Скалятся, слюной исходят. Урчат что-то, как переговариваются. Клыки длинные, смотреть страшно. А взгляд злой, ненавистный, сквозит могильным холодом, волю отбивает. Видно по глазам: ненавидят они все живое лютой злобой. Убивать больше чем жрать хотят, и смерть чужая для них слаще меда, потому как сами уже неживые, смерти принадлежат и все для нее делают, как жертву приносят. Чувствует Степан: конец пришел, сопротивляться – только время тянуть. "Побыстрее бы, – думает, – отмучиться сразу." Надо что-то делать, а не может. Воля своя чужой заменилась и говорит: "Не дергайся, только хуже станет, больнее. Деваться тебе некуда, а так раз, и все. Совсем не больно. Разве что чуть-чуть". Сил никаких нет. Хочется ружье поднять, прострелить им бошки, превратить в решето, жизнь продать подороже. Ан нет, руки плетью висят, стоит, как телок на бойне, только слезы наворачиваются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.